

Возможность получать подобна океану. Проблема в том, что большинство людей подходит к этому океану возможностей с чайной ложкой.

Джим Ром, американский оратор, бизнес-тренер, мормонский проповедник, автор книг по психологии, случайная уместная цитата из Интернета.

И слава Тёмным Богам океана!

Феликс Айзек Фишер, неизменный неудачливый рыбак, случайное неуместное дополнение цитаты из Интернета.

Пришла мысль, насколько сильно я изменился? Я имею в виду, с того момента, как оказался в лапах старого ублюдка? Прокручивая раз за разом перед глазами события последних лет, не испытывая с этим никаких проблем, я вынужден был отметить, что моё состояние, вопреки всему, стабилизировалось. Ментально и до попадания в лапы Мистера Стивенсона я не был ребёнком, однако по мере того, как росло тело, менялось и сознание. Было больше ребячества, больше импульсивных действий, в целом теперь у меня создаётся общее ощущение некоей... незрелости. Оно осталось и даже после того, как многомерный урод отправил меня в сравнительно свободное плавание, позволив сначала прийти в себя, а после — одним движением руки напрочь уничтожить всю мою психическую стабильность, и лишь в последние годы, если не месяцы я стал напоминать больше прошлого себя, с поправкой на то и дело прорывающееся безумие.

Стало интересно: что же по итогу ублюдок из меня хочет слепить, лепит и будет лепить? Лепит ли вообще? К сожалению, это не тот вопрос, на который я мог и на который вообще могу дать ответ, хотел того или нет. И это несмотря на то, что времени подумать у меня хватало.

Передо мной предстала субъективная вечность.

Был ли у меня план побыстрее покончить с этим дерьмом и просто дать Тёмному Богу проснуться? Конечно, нет. Несмотря на то, что это заявление было очень спорным, конченным слабовольным самоубийцей я никогда не был. Более того — мог бы поспорить в желании жить с очень и очень многими людьми. Но и действовать иначе в ситуации, когда твои мозги изнашивала концептуальная херня, сложновато. Единственная мысль, к которой я смог прийти: мне нужно было добраться до источника проблем, любой ценой. Проклятая ручка, из-за которой всё дошло до такой точки. С моей стороны было глупо по-настоящему винить

туповатого ребёнка. В своих мечтах, уверен, тонули, тонут и будут тонуть целые цивилизации, так с чего мне держать зло на какую-то мелочь?

Наверное, не испортить она мой молочный шейк, и у меня на миг могла даже возникнуть мысль найти путь её спасения. Тех остатков личности, которые действительно принадлежали малышке Мэри. Увы, я давным-давно прогнул до основания и жертвовать собой бесчисленные разы, раз за разом бороться с чем-то, что раз за разом насилует твои мозги, ради одной-единственной фактически незнакомой девочки, от которой и пользы нет, мне было не с руки.

Даже наоборот: теперь, когда она с моей лёгкой подачи закончила свою трансформацию, я получил нового полноценного друга, который будет, как и мои остальные друзья, тенью тени от тени таиться в глубинах моего разума.

В этом проклятом древе реальности, чистилище для грешников, хорошим ребятам не было места.

Моя и Мистера Стивенсона цель была не в том, чтобы спасти всё человечество. Даже если в конечном итоге, ценой смерти миллионов и миллиардов, людской род выживет, это будет лучше, чем полное уничтожение. Если и существовала вероятность того, что всё человечество сможет пройти жатву судьбы, то нужно было быть кем-то намного более могущественным, чем Тёмный Бог из глубин океана. Чем-то бесконечно огромным, бесконечно непонятным. Чем-то, чьи мысли могли создавать миры и менять вероятности, переписывать историю целой вселенной.

Но ведь мы и не стремимся к этому, не так ли?..

Чтобы дать человечеству шанс, как мне кажется, достаточно лишь частички этой силы.

Ручка не могла сопротивляться моей воле. Стоило мне её взять, как она стала принадлежать мне. Вместе же с этим наблюдавшее за мной существо начало пробуждение. Я чувствовал это всеми фибрами души. Тяжело простыми словами передать весь тот ужас, когда на тебя смотрит что-то, что превосходит тебя на многие и многие порядки. Изучает, осматривает, сводит с ума одним своим присутствием.

Оно прекрасно запомнило меня — черти драли Мистера Стивенсона, я знал это. Тварь оставила на мне что-то, что служило самым настоящим магнитом для различных уродцев, из-за чего я по «чистой счастливой случайности» наткнулся на сверхъестественное чаще, чем кто-либо ещё. В одной маленькой провинции обитало слишком много тварей, и, уверен, с течением времени их бы становилось всё больше, не говоря уже про самого Тёмного Бога. Такова была цена даже не моей наглости, а наглости Мистера Стивенсона.

Куда бы я не прятался, куда бы не бежал, пусть даже за метафизические спины своих друзей в самых глубинах океана, рано или поздно, пусть это будет следующая жизнь, в которой я и помнить ничего не буду, оно обещало добраться до меня. И сейчас было как никогда близко к этому.

Точнее, «почти сейчас», «сейчас» и «не сейчас».

Откровенно говоря, писателем я не был. Меня это банально никогда не интересовало. Моим любимым хобби было рисование, и лишь с помощью рисования я мог попытаться дать нечто похожее на бой. Пустой холст сзади меня подлетел, оказавшись передо мной. Его края исказились, слившись с городом. Ручка в моей руке преобразилась, обратившись в кисть. «...слишком поздно...»

До меня отдалённо дошло нечто похожее на голос Джима, заставив оскалиться. Против воли я поднял голову на небо, на краю сознания видя нечто похожее на силуэт. Мой оскал стал ещё шире. Оно было повсюду, оно было везде, оно могло добраться до меня в прошлом, настоящем и будущем. Однако это не значит, что я совсем не мог побарахтаться.

Раз Мистер Стивенсон смог заставить столь глубоко заснуть Тёмного Бога, то почему не могу я? Убаюкать, спеть колыбельную, убедить в том, что то, что происходит здесь - лишь очередной мираж.

Подхватив сознанием бесконечный поток энергии, хлынувший из прорыва, я взмахнул кистью. Словно художник, разочаровавшийся в собственной картине, я провёл крест по всему городу. В отличие от малышки Мэри, мои желания были строго направлены, я чётко знал, чего хочу и что собираюсь изобразить, что изменить и исказить уже на свой лад.

Линия чётко прошла по городу, превращая всё в ничто. Таинственное сияние, буйство красок, смыло весь город, представив передо мной чистый холст. Понятие реальности и нереальности исказилось, всё смешалось, словно те краски. Благодаря этой кисти и потоку энергии я вновь ощутил себя настоящим Богом, коим и был на нулевой глубине.

Остался лишь холст, я, прорыв в океан и...

Кажется, из моих глаз пошли слёзы.

— Это всё сон, — прошептал я, чувствуя, как всё моё тело трясется от ужаса, как дрожит мой оскал. — Просто сон... Мне спеть тебе колыбельную?

Джим иногда напевал мне одну. Баю-бай, малыш, не говори ни слова. Папа купит тебе пересмешника.

Я начал умирать. Мне не удалось понять, что и как убивало моё тело. Возможно, моё сознание просто не выдерживало того, что я видел и само же предпочитало стереть воспоминания. Возможно, я просто не справлялся с энергией из прорыва. Даже с помощью «Универсальной Удочки», даже с помощью новоявленной кисти, что безуспешно пыталась противиться моей воле, всё ещё существовали определённые рамки.

Границ нет. Рамок нет. Сознанием я это понимал, но моё тело не состояло из чистой «мечты». Физическая материя всё ещё преобладала, пусть и постепенно всё больше поддавалась тлетворному влиянию желаний затонувшего сознания.

Либо, что наиболее вероятно, у меня просто не получалось изобразить нужный пейзаж. А если этот пересмешник не будет петь, Папа купит тебе бриллиантовое кольцо.

Я никогда не был хорош в этом. У меня всегда получалось что-то несуразное, что-то, во что я не вкладывал душу. Здания городка, которые я безуспешно пытался нарисовать, получались какими-то кривыми, блеклыми, неуместными. Они раздражали меня, напрягали, вызывали ярость. И каждая моя ошибка стоила мне существования. Десятки, сотни мгновенных смертей. Непонятных, странных, необъяснимых.

Передо мной предстала субъективная вечность. А если зеркало разобьётся, Папа купит тебе козлика.

Ужас любого, кто обладает подобной мне силой, оказаться в бесконечной петле смертей. Однако моё сознание уже слишком далеко от того, о чём думает нормальный человек, чтобы

действительно бояться такого. Я отказывался идти на поводу у твари и продолжал бежать.

В каком-то смысле, мне удалось даже насладиться субъективной вечностью. Обдумать много вещей, пронестись метафизическим сознанием через бесчисленное количество зеркал. Поймать этот бесконечно маленький миг и...

Как бы правильнее выразиться? Застыть в нём. А если тот козлик не будет тянуть, Папа купит тебе быка с тележкой.

Я начал намного лучше понимать, как существует Мистер Стивенсон. Оказавшись на перепутье бесконечных иллюзорных веточек, бесконечных вариаций одного и того и не одного и того же, простирающихся и не простирающихся по древу реальности, я стал незримо управлять сразу несколькими вариациями самого себя.

На миг мне даже показалось, что где-то бесконечно далеко и бесконечно близко я видел таких же, как я. Нас было много. Бесконечное количество. Каждый из нас был мной и каждый из нас представлял собой что-то индивидуальное, особенное. Это были не веточки, но полноценные отдельные ветки, целые реальности с другим «Я».

Словно кривое зеркало. А если тележка перевернется, Папа купит тебе собаку по имени Ровер.

Колыбель проносилась по древу реальности. Тысячи моих голосов резонировали между собой, превратившись в хор. Я творил. Пытался вернуть городу если не его первоначальный вид, то хотя бы нечто отдалённо похожее на то, что было. Пытался передать серую действительность самого обычного города так, чтобы даже я в неё поверил.

Самый обычный город, в котором живут самые обычные люди. Они не знают никакой Мэри, её даже никогда не существовало. Скучная провинция, в которой ничего не происходит. И вместе с этим — наполненная жизнью. Тысячи и тысячи людей, знакомые и незнакомые мне люди, чьи души защищены скафандром неверия. И если эта собачка не будет лаять, Папа купит тебе лошадку с тележкой. А если лошадка упадет,

И лишь те существа, которые должны знать, будут помнить происходящее. Иначе какой в этом всём смысл?

В какой-то момент моё находившееся на перепутье веточек сознание застыло у одной конкретной вариации. Я уставился на неё с каким-то неверием, трепетом, возбуждением. Мир для меня застыл, позволив насладиться первым пейзажем, который смог у меня вызвать какие-то эмоции. Самый обычный город, в котором жили самые обычные люди. Вроде бы ничего интересного, ничего вдохновляющего, но вместе с этим...

Картина передо мной имела душу. Вдохновение. Я вложил его в неё. Не мог поступить иначе. Ты по-прежнему будешь самым милым малышом во всем городе.

У меня получилось.

И метафизическое сознание, сохранившее молчание, согласилось со мной. Воля Немое, защищавшая фальшивую нормальность, помогла мне, закрепила образ, очистила его от тех огрехов, что я мог допустить, возвращая город практически в первозданное состояние, впрочем, со всеми моими бесконечно незаметными деталями. Прорыв в океан захлопнулся, лишая меня сил, словно его никогда и не было. Кисть в моих руках молчала, но она уже ничего и не могла сказать.

Сознание дара океана не выдержало первым.

Находясь в прострации, я уже полноценно увидел образ гигантского кита, смотрящего на меня. Это всего лишь визуализация, абстрактный образ. Но этот образ был для меня что-то вроде точки сосредоточения этого существа. Теперь мне не казалось, что оно смотрело на меня отовсюду. Оно обрело конкретную позицию в пространстве, и моя субъективность восприятия не играла здесь никакой роли.

Все правила, рамки и ограничения лишь у нас в голове, и главным препятствием в океане могут стать лишь чужие желания и мечты.

У меня не получится закончить всё без последствий — я знал это ещё до того, как взял в руки ручку-кисть. По уши оказавшись в океане, даже если ты сможешь всплыть, ты останешься мокрым. Пусть это и не полноценное пробуждение, но метафизическое сознание было серьёзно потревожено и ещё лишь предстоит узнать, как это отразится на мире. С высокой вероятностью этот «Цикл» станет последним. Сейчас же, смотря в глаза кита, эта мысль обрела дополнительный вес: меня потянуло куда-то. Если раньше я был магнитом, который неосознанно мог притягивать к себе по чистой «счастливой», сука, «случайности» всяких тварей, то теперь притягивало куда-то меня.

— Мистер Стивенсон, вы перепутали, это не рыба, а млекопитающее... — пробормотал я отчаянно.

Может ли рыбак поймать кита? Что я могу сказать точно — художник, если захочет, сможет это визуализировать.

С этими мыслями мир для меня померк.

В Реинвелле в последнее время всё чаще шёл дождь. Как бы к этому ни относились другие люди, малышка Сэнди Хуш была этому очень рада: он ей казался очень таинственным и мистическим, добавляя городу особый шарм. Она всегда подсознательно тянулась к чему-то неизведанному, непонятному и странному, желая всем и в первую очередь себе доказать, что что-то такое существует. Это была детская мечта, рвущаяся, казалось, из самых глубин души. Когда-нибудь она пройдёт, но пока была на самом своём пике!

В конце концов, дети в таком возрасте наиболее восприимчивы и наивны. Всё ещё верят в чудо, всё ещё не знают про те рамки и ограничения, правила мира, про которые знают взрослые. К счастью, в конечном итоге дети растут, формируется привычная обыденность, привычная «нормальность». То, через что проходят все люди. Цикл.

В последнее время девочке часто снились странные сны. Она не могла их объяснить и даже не запоминала их. Иногда ей казалось, что в этих снах она жила множество других жизней, самых разных и разнообразных. Её судьба в этих жизнях никогда не повторялась и была лишь одна

единственная отличительная запоминающаяся черта:

Ни в одной из жизней она не смогла произнести ни слова.

Последний приснившийся сон Сэнди показался самым ярким и странным. Это была не другая жизнь, а нечто иное. Неопишечное, абстрактное, нечто, что могло произойти только во сне. И всё же — этот сон был намного более ярким и запоминающимся, чем любые другие сны. Настолько ярким, что по пробуждению девочка чуть с криком не вскочила.

К сожалению, она не могла.

Протирая после сна глаза, Сэнди взглянула в зеркало, недовольно поправив длинные золотистые волосы. Голубые глаза, с наивностью смотрящие в отражение, таили в себе что-то странное. Что-то, находившееся очень глубоко и далеко. Девочка, моргнув, удивлённо уставилась в зеркало, пытаясь присмотреться, но потом, смутившись своим действиям, помотала головой и принялась умываться. Ей ещё столько-сколько нужно было сделать, а ведь она ещё и опоздать не хотела, скоро уже начиналась её любимая утренняя передача с двумя ведущими. А ведь потом ещё в школу, затем делать домашние задания...

Столько всего. У неё будет ещё много возможностей найти что-нибудь необычное. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так через месяц или через год. А может — и несколько лет.

Эти мысли, казалось, переходили к ней от одного сна к другому.

От одной жизни к другой.

Цикл за циклом.

Девочка печально вздохнула, против воли в голове напевая колыбельную. По какой-то причине она немного успокаивала её. Баю-бай, малыш, не говори ни слова. Папа купит тебе пересмешника...

<http://tl.rulate.ru/book/98238/3606351>